

УДК 821.111
ББК 83.3(7)
М 15

Paula McLain
CIRCLING THE SUN

Перевела с английского
Виктория Дьякова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Алексей Вайнер

Маклейн Пола

М15 Облетая солнце : [роман] / Пола Маклейн; [пер. с англ. В. Дьяковой]. — СПб. : Аркадия, 2018. — 512 с. — (Серия «Методу»).

ISBN 978-5-906986-41-2

В основе романа — рассказ о жизни отважной летчицы Берил Маркхэм, первой женщине, которой удалось перелететь через Атлантический океан. Умница, красавица, бесстрашная укротительница диких лошадей, охотница и путешественница, она обожала Кению, страну, ставшую для нее второй родиной. Высокую цель — подняться в небо, к солнцу — подарил Берил один из ее возлюбленных, перед тем как расстаться с ней навсегда.

УДК 821.111
ББК 83.3(7)

© Paula McLain, 2015.
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление
ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-41-2

Моей семье, с любовью
и безграничной благодарностью.
А также Летти Энн Кристоферсен,
ставшей для меня моей леди Ди.

Я научилась наблюдать
и доверять другим не меньше, чем себе.
Я научилась странствовать и мечтать.
И я научилась тому, что должен знать
любой ребенок, захваченный воображением,
а именно, что не существует границ,
которые невозможно преодолеть.
Это я усвоила легко и сразу.
Но остальное давалось труднее...

Берил Маркхэм.

На запад вслед за ночью

Мы должны оставить след на земле,
пока у нас есть для этого силы.

Карен Бликсен

ПРОЛОГ

4 сентября 1936 года. Абингдон. Англия

Моя сверкающая «Чайка» напоминала синего павлина с серебряными крыльями. Она была красивей любой известной мне птицы. Тот, кто проектировал и строил эту великолепную машину, вложил в нее все свое старание и умение. Он назвал ее «Посланник», и ей предстояло совершить невозможное — единым броском пересечь океан и перенести меня из одного полушария в другое. Три тысячи шестьсот миль сквозь тьму и неизвестность!

Когда я села в кабину, сгущались сумерки. Уже несколько дней над аэродромом дули сильные ветра, прижимая нас к земле, и тусклый просвет между облаками можно было считать большим везением. Дождь хлестал по крыльям моего самолета с таким шумом, словно грохотали литавры. Однако я не переставала повторять себе, что это еще ничего. Меня не столько беспокоила погода, сколько грузоподъемность машины. В «Чайке» были предусмотрены специальные шасси, где располагались канистры с запасным маслом и топливом. Они были закреплены под крыльями и кабиной и плотно прилегли к моему сиденью, оборудованному особыми кранами, которые можно было легко повернуть, чтобы дополнительно заправить машину в середине полета. Меня строго проинструктировали, что сначала я должна досуха опорожнить одну канистру, и только затем подключать

вторую, чтобы избежать воздушной пробки. Мотор несколько мгновений проведет в бездействии и только потом включится снова. Мне ничего не оставалось, как уповать на то, что именно так все и будет.

Огромные лужи на асфальте, покрывавшем аэродром, были похожи на маленькие озера — они пузырились на ветру, выплевывая пену. Яростные, не прекращающиеся ни на секунду встречные порывы буквально сбивали с ног. Небо было затянуто низкими, мрачными тучами. Несколько журналистов и кое-кто из моих друзей пришли проводить меня. Лица у них были суровые. Все, кто хоть немного знал о моей затее, старались убедить меня не делать этого. Или хотя бы не сегодня. Рекорд никуда не денется, если отправиться в полет, когда погода улучшится. Но для себя я решила: поздно поворачивать назад. Так что, положив в кабину небольшую корзинку с едой и сунув в боковой карман комбинезона фляжку с бренди, я уселась, чувствуя себя вполне комфортно. У меня с собой были часы, позаимствованные у Джима Моллисона — единственного пилота, совершившего подобный полет и оставшегося живым. Также у меня имелась карта, на которой был показан мой маршрут через Атлантику, из Абингдона до Нью-Йорка — каждый дюйм пути над холодной ледяной водой. Но одиночество, пустота и страх, поджидавшие меня в полете, на карте отмечены не были. А ведь им предстояло стать моими реальными спутниками в небе. Мне же надлежало справиться с ними. Удушающие приступы тошноты, постоянная угроза угодить в воздушную яму — все эти опасности тоже существовали. Нельзя начертить курс, чтобы он обходил стороной все то, что тебя пугает. Невозможно уклониться от самого себя. И, наверное, это даже к лучшему. Порой я думаю,

что только трудности, которые встают перед нами, закаляют нас. И они нас изменяют. Для меня сейчас — это взлетная полоса длиной в милю и тысяча девятьсот фунтов топлива под крылом.

Теснящиеся со всех сторон «эскадрильи» туч затягивают небо, свет становится серым и тускнеет с каждой минутой. Я отчетливо понимаю — для меня не существует варианта избежать задуманного и при этом остаться собой.

Итак, я вырливаю на исходную позицию и устремляюсь к отметке на полосе, с ревом промчавшись мимо зевак с камерами. Рядом проскакивают несколько сигнальных флажков, отмечающих мой путь. Я не обращаю на них внимания. Моя цель — единственный красный флажок в конце, который означает точку невозврата. У меня только миля на разбег — и ни дюйма больше. И нет никакой гарантии, что моя машина справится с задачей. Наоборот. Не исключено, что после всех усилий, которые были вложены, — напряженного планирования, тщательной сборки и наладки, а также несмотря на все мое мужество пилота, собранное в кулак, — «Чайка» просто встанет как вкопанная — неуклюжий слон, а не легкокрылая бабочка, — и все закончится, даже не успев начаться. Однако случится это или нет — я делаю свое дело и не даю себе поблажки.

И вот уже пятьсот футов взлетной полосы позади. Я добавляю скорость, всем своим существом ощущая тяжесть механизма и нежелание земли отпускать нас. В этот момент я вся ухожу в зрение — только красный флажок в конце полосы, стремительно приближаясь, колышется на ветру перед моими глазами.

И тут вдруг — о чудо! — я слышу, как включается руль высоты и направления. У меня перехватывает

дыхание от волнения. Да-да, это не ошибка. Нос машины поднимается, и... моя «Чайка» взмывает в небо, точно выпущенная из лука стрела. А все-таки она бабочка — бабочка! Мы поднимаемся выше и выше в грозно темнеющее небо, а под нами в дождевом мареве плывет Свиндон¹ — с высоты он напоминает ровно расчерченную серыми и зелеными квадратами шахматную доску. Впереди простирается Ирландское море — черное бесконечное пространство воды, и у меня замирает сердце. Тускло поблескивают огоньки Корка. Мрачной громадиной маячит вдалеке Лабрадор. Мотор ритмично всхлипывает, выполняя привычную работу.

Нос машины дергается. С трудом продираясь сквозь пелену дождя, я упрямо набираю высоту — корпус «Чайки» содрогается от непогоды. Но на моей стороне — жажда летать и неплохие навыки, полученные во время учебы. Однако это еще не всё. Самый важный и таинственный мой союзник — это ясное понимание, что мое предназначение в жизни — сделать это. Я рождена для того, чтобы лопастным винтом и сверкающими крыльями, точно рукодельницы в старину, выткать свое имя в небе, пролетев тридцать шесть часов в темноте.

В первый раз идея совершить этот бросок пришла ко мне два года назад. Мы сидели в баре «Белый носорог» в Ньери² — шумном, душном, — в самом углу, у отделанной кедровыми панелями стены. На моей тарелке лежал аппетитный и ароматный турнедо³, рядом — бланшированные стручки спаржи, тонкие, как мой мизинец. В бокалах поблескивал темно-красный

¹ Населенный пункт и унитарный округ церемониального графства Уилтшир, расположенного на юго-западе Англии. — *Здесь и далее — примеч. ред.*

² Город в Кении (Африка).

³ Тонко нарезанные и сильно наперченные кусочки говядины.

бордоский кларет. И точно на десерт — дерзкий выпад от Джей Си Карберри:

— Еще никому не удавалось пролететь в одиночку из Англии в Америку, — как бы невзначай заметил он. — Ни мужчине, ни женщине. Что скажешь, Берил?

За два года до этого Моллисон рискнул покорить огромное водное пространство между двумя континентами, но попытка закончилась неудачей. Нужно было создать самолет, который будет способен совершить такой бросок, — над этой недешевой задачей раздумывали многие. У Джей Си денег всегда было больше, чем он мог потратить. Но, кроме того, в нем постоянно теплился огонек авантюризма — жажда новых свершений и открытий. Без этого он не мог жить. Наверное, такими же были знаменитые путешественники Магеллан и Пири. Он уже представлял себе всё это: бескрайний океан, тысячи миль ледяного воздуха над ним, неизведанного и манящего, бескрайний горизонт. В этой картине не хватало только самолета.

— Не хочешь ли попробовать, Берил?

Черные глаза Джей Си поблескивали в полутьме, как два агата. Я молча смотрела на него, а в памяти сразу всплыл образ его жены Майи. На мгновение мне показалось, что она тоже сидит напротив меня — в элегантном платье из белого шелка и с безупречно уложенными волосами. Но я тут же одернула себя — это был обман. Майя погибла — глупо, обидно! — во время обычного учебного полета на аэродроме близ Найроби. В совершенно безветренный и ясный день. Это было давно. И это была первая трагедия в воздухе, которая потрясла нас всех. Первая, но не последняя. Много иных дорогих сердцу лиц всплывали в памяти и, словно отблески света, мерцали над темно-красной поверхностью вина

в бокале. Они напоминали нам о том, как безрассудно смелы были те, кто ушли навсегда, и как много они совершили. Да, собственно, мне и не нужны были напоминания. Никогда, ни на одно мгновение я не забывала о них, их образы жили в моей душе. И в тот момент, глядя в глаза Джей Си, я вдруг почувствовала, что готова дерзнуть, как и они, — что бы ни было дальше.

— Да, — произнесла я на удивление спокойно. И тут же повторила: — Да.

Последние блики света померкли на горизонте, и вот вокруг меня только темнота, дождь и едкий запах топлива. Я лечу на высоте две тысячи футов над океаном, и впереди у меня еще два дня пути. Ни луны, ни звезд — только сгустившиеся вокруг тучи. Кромешная тьма. Мне ничего не остается, как только доверять приборам, неотрывно следя за мигающими лампочками на панели. У меня нет радиосвязи, так что все, что может мне помочь не терять присутствие духа, — это исправный и мощный мотор да крепкий встречный ветер в сорок узлов. Еще в моем нехитром арсенале равномерное бульканье запасного горючего в баках. Я прислушиваюсь к ровной работе мотора — четыре часа полета он безупречен, как хорошо отлаженные швейцарские часы. И вдруг — запинка, молчание, снова глухое ровное урчание и опять запинка... Некоторое время мотор шипит, трещит, свистит и... замирает. Тишина. Широко раскрыв глаза, я смотрю, как стрелка альтиметра быстро устремляется вниз, — машина резко теряет высоту. Внутри меня растерянность и смятение, но руки после многих часов тренировок сами знают, что делать. Автоматически я кладу руку на магистральный кран и сливаю топливо. Мотор должен заработать. Он дол-

жен заработать. Я медленно передвигаю руку и пальцами нащупываю заветный серебристый рычаг. Когда я поворачиваю его, он обнадеживающе шелкает, но двигатель по-прежнему молчит. «Чайка» стремительно теряет высоту — она опустилась уже на тысячу сто футов. Я отчетливо ощущаю, как она снижается. Тучи вокруг меня на мгновение редеют, и внизу я вижу ужасающе огромные валы черной воды, брызгающие желтоватой пеной. Волны вздымаются все ближе, а надо мной — бескрайнее, безжалостно удаляющееся небо. Я снова щелкаю стартером, стараясь сдержать паническую дрожь, которая охватывает меня. Я была готова ко всему, я уверяла себя и всех, что готова. Но можно ли подготовиться к смерти, можно ли встретить ее спокойно, когда она неизбежна? На мгновение я вспоминаю Майю — она чувствовала то же самое, когда земля неслась ей навстречу и столкновения нельзя было избежать? А Денис... В тот страшный день над Вои?

Яркий зигзаг молнии вспыхнул над левым крылом машины — ослепительный, точно новогоднее украшение на елке. Все пространство вокруг меня было настолько наэлектризовано, что, казалось, светилось и потрескивало. Как-то неожиданно я почувствовала, что все это уже происходило со мной прежде, очень давно. Я уже переживала это ощущение — когда прошлое несется на тебя, захватывая с головой. Безжалостный океан грохотал внизу, готовый поглотить меня. В этот момент Кения, моя дорогая Кения, точно спешила мне на помощь. Рифт Валли и гора Лонгонот всплыли перед глазами, заслоня сверкающую, смертоносную бездну. Зубчатые очертания кратера Мененгаи... Озеро Накуру, точно окутанное розовым туманом от бесчисленных фламинго, нашедших на его берегах свой дом. Острроверхие

и пологие откосы гор, горячие источники Кекори, улочки Моло и Нджоро, блестящая от росы, ослепительно-зеленая лужайка для гольфа в Матайгском клубе. Всем своим существом я устремилась туда, к родным местам, словно оказалась там на мгновение — прекрасно зная, что это невозможно. Словно мотор машины, перемалывая годы, возвращал меня в прошлое. «Чайка» неудержимо несла вперед, давая неповторимое чувство свободы. «Да, да, так и есть», — мысль ясная и четкая, похожая на только что промелькнувший разряд молнии, осенила меня. Я больше не думала о несущейся сквозь тьму машине. Я словно перестала видеть все, что меня окружало. Кения окутала меня — и я неведомым мне образом оказалась дома.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

